

А.А. Сирина

ТАЕЖНЫЕ ОХОТНИКИ ПОСЛЕ ПЕРЕСТРОЙКИ

(правовое урегулирование традиционного природопользования эвенков Иркутской области)

Введение

В последнее время ученые-этнографы большое внимание уделяют изучению оленеводства как «этносохраняющей отрасли».¹ Между тем, у некоторых народов Севера главную роль в жизнеобеспечении и в целом в культуре играет охота. Таковы эвенки – охотники-оленьеводы, ареалы расселения которых находятся преимущественно в таежной зоне Сибири, и оленеводство которых из транспортного не может быть модифицировано в мясо-шкурное без целенаправленных усилий со стороны государства, как это происходило, например, в советское время в Эвенкии, Амурской области, Южной Якутии. Охотники (и не только аборигены), особенности их жизни и проблемы оказались в настоящее время на маргинальных позициях в отечественном североведении. Кроме объективных причин, исследование охотничьих культур связано с большими трудностями методического характера, – эта сфера занятий всегда окутана тайной, малоизвестными обрядами и обычаями, которыми не делятся с посторонними, чтобы не лишиться охотничьей удачи. Кроме того, это по преимуществу «мужская» сфера культуры², поэтому хорошее исследование можно ожидать от этнографов-мужчин, которых теоретически могут взять с собой на промысел. Женщине-этнографу остается накапливать те знания, которые возможно получить, тем временем внимательно присматриваясь к охотнику в такой же малознакомой и неудобной для него сфере, какой охота является для женщины-этнографа – в сфере взаимодействия с государственными структурами, связанными с обеспечением доступа к охотничьему промыслу.

Цель этой статьи – исследовать роль государства в регулировании традиционного природопользования народов Севера на примере эвенков Иркутской области. Уже более трех столетий они живут в границах Российского государства, перестраивая свою культуру, адаптируясь к постоянно происходящим изменениям. Но только недавно в результате наступления промышленности, структурных перемен в экономике России перед ними остро встал вопрос: как сохранить свое жизненное пространство? Этот вопрос равнозначен вопросу: как сохранить себя и свою культуру?

Понимая необходимость урегулирования отношений землепользования между народами Севера и промышленными компаниями, природоохранными институтами, российское государство приняло ряд законов, которые призваны обеспечить право

народов Севера на традиционное природопользование и образ жизни. Обеспечило ли современное законодательство особые права представителям народов Севера, ведущим охотничье хозяйство? Как на практике осуществляется доступ к охотничьим территориям и ресурсам?

Условия проживания эвенков, наиболее широко расселившегося народа из числа народов Севера, везде существенно различаются: как из-за разных географических, природно-климатических условий, так и характера и интенсивности межэтнических контактов и разной политики территориально-административных образований, в границах которых они живут. Характерной особенностью эвенков, живущих в Иркутской области, являются давние кровно-родственные, экономические и культурные связи с русским старожильским, бурятским и отчасти якутским населением. В верховьях Нижней Тунгуски, Лены и их притоков живут русские, которые помнят о своих тунгусских корнях. Я хочу проследить, нашло ли своеобразие местной социальной среды отражение в текстах законов.³

Численность и расселение

В Иркутской области живет 1 369 эвенков, большинство - в поселках Катангского, Качугского, Казачинско-Ленского, Бодайбинского районов.

Царская администрация, защищая интересы “инородцев” на землю и самоуправление и минимально вмешиваясь в организацию их жизни и быта, по реформе Сперанского учредила инородные управы и законодательно ограничило доступ русских крестьян-земледельцев в уголья тунгусов. Остановить проникновение русских крестьян в тайгу оно не смогло, но существенно ограничило его. На территории современной Иркутской области в 1822 г. были учреждены три инородные управы. Тутуро-Очеульская объединяла тунгусов, кочевавших по тайге современного Качугского, Жигаловского и Казачинско-Ленского районов.⁴ Курейская и Кондогирская инородные управы объединяли эвенков современного Катангского района. Однако экономические и культурные связи, межэтнические браки привели к тому, что современные эвенки юга области значительно смешаны с русскими старожилами и бурятами, а эвенки севера области – с русскими старожилами и якутами.⁵

В советское время инородные управы упразднили, кочевников “перевели” на оседлый образ жизни, населенные пункты укрупнили. Из сельскохозяйственно-промысловых большинство районов Иркутской области превратились в промышленные, увеличилась численность приезжего населения. Современные Качугский и Казачинско-Ленский районы еще сохраняют свою сельскохозяйственно-промысловую специализацию, но уже

сильно затронуты влиянием лесодобывающей и газодобывающей промышленности, транспорта.

Эвенки Качугского района живут в деревнях Вершина Тутуры (199 чел.), Чинанга (59 чел.), Тырка (15 чел.), которые относятся к Вершино-Тутурской сельской администрации. На ее территории проживает 273 человека (из них 220 эвенков), имеется 77 постоянных хозяйств.⁶ Эвенки Казачинско-Ленского района живут компактно в деревне Вершина Ханды, расположенной в 40 км от п.Магистральный на БАМе, - всего 46 человек, из которых 41 - эвенки. Несколько эвенков живут в п.Казачинск, Магистральный. В Катангском районе живут 557 эвенков, большинство - в северной части района, в поселках Тетя (72 чел.), Наканно (70 чел.), Хамакар (138 чел.), Ербогачен (208 чел.). Пока этот район менее всего затронут промышленным освоением, и является чисто промысловым. Правда, в его недрах хранятся богатые запасы различных полезных ископаемых, и дело их разработки – вопрос недалекого будущего при современных темпах освоения природных богатств Севера. Своеобразие района в том, что здесь исторически по соседству с эвенками живут русские старожилы, которые приспособились к местным природным условиям, частично восприняли образ жизни эвенков, а некоторые в результате смешанных браков имеют родню по эвенкийской линии.⁷ Со своей стороны, часть эвенков в результате процессов аккультурации и ассимиляции поменяли свою идентификацию, имеют двойное, иногда тройное самосознание.

Все места современного проживания эвенков расположены в отдалении от центральных населенных пунктов, туда нет постоянных дорог, и объективно это способствует консервации образа жизни и сохранению природной среды. Но с приходом промышленности положение начинает меняться.

Охотничье-оленьеводческое хозяйство эвенков

Эвенки – представители охотничье-оленьеводческой культуры. Они до сих пор имеют некоторые черты именно охотничьей, эгалитарной культуры, что выражается в сохранении (разумеется, в модифицированном виде) обычая дележа, специфической социальной организации, анимистического мировоззрения, шаманства. Судя по моим полевым материалам и литературе, их сохранность неодинаковая в разных районах проживания эвенков.

Основой жизни эвенков была охота на мясных и пушных зверей, причем пушная охота имела исключительно товарный характер. Пушная охота стала «традиционной» отраслью хозяйства с XVII-XVIII вв. В зависимости от природно-географических условий проживания разных групп эвенков различались объекты охоты, а также соответственно

орудия и способы охоты. Распространение огнестрельного оружия в XVIII-XIX вв. интенсифицировало промысел, а мотонарты и другие технические усовершенствования XX-XXI вв. сделали промысел более индивидуальным.

Верхнеленские (качугские и казачинско-ленские) эвенки охотятся на изюбря, кабаргу, косулю, лося, северного оленя, а катангские эвенки в основном на лося и северного оленя. *“ У нас обычно люди с подходом охотятся, скрадом. Пришел, след увидел, и пошел скрадывать по следу, если он свежий. Раньше на охоту на лыжах идешь, на спине у тебя дюлбоки – чехол для лыж из козьей шкуры. Их одеваешь, на них потихонечку идешь, и хоть там внутри скрипит, а уже на улице не слышно. Любого зверя так скрадываешь. И гоном охотились по насту, с собаками. Человека два-три”.*⁸

В советское время охотничий промысел велся в колхозах, а после ликвидации колхозов - в промысловых хозяйствах специальными охотничьими бригадами или охотниками-индивидуалами. Штатному охотнику ставился план-задание на добычу пушных (реже - мясных зверей), он снабжался всем необходимым для ведения промысла. Заработную плату и расчет за сданную пушнину штатным охотникам перечисляли на сберегательные книжки.

В постперестроечное время произошла натурализация охотничьего хозяйства. Средства транспорта и горючее подорожали, и одновременно упали цены на продукцию сельского хозяйства и промыслов. Государственную монополию на заготовку и закупку пушнины заменила частная торговля: охотники снова, как до революции, стали обслуживаться нужными товарами “в долг”, под результат будущего промысла. Государственная помощь прекратилась. В этих условиях повсеместно возросла роль потребительской охоты, усилилось давление на природную среду. В более выгодном положении оказываются не местные жители, которые выезжают на охоту на снегоходах «Буран», лошадях или выходят пешком, а приезжие городские охотники, в арсенале которых современные средства транспорта, карабины, боеприпасы, приборы ночного видения. В результате сократилась численность промысловых видов, особенно в Качугском районе. *“Мало совсем зверя добыли. Изюбри, правда, есть. Или природа изменилась? Она как не изменится, ведь люди сильно жадные стали. Нас природа казнит за жадность. Природа умеренно, постепенно дает, даром. А у нас стараются истребить, искоренить все, а на завтра не смотрят. Нас стеснили совсем. Сейчас в наших угодьях машины, вездеходы бродят, следы оставляют, а дикий олень все обходит.*

Объекты пушной охоты эвенков - соболь, белка, лиса, ондатра (с середины XX в., особенно в Катангском районе). Основной ее сезон длится с середины октября до конца декабря. Качугские эвенки охотятся преимущественно с собакой по мелкому снегу,

Таежные охотники после перестройки

капканов ставят немного, катангские устанавливают больше капканов вдоль специально прорубленных дорог-путиков. В хороший год качугские эвенки добывают по 200-250 белок, т.к. отстрел белки не лимитирован, в отличие от промысла соболя. Спрос на белку в Иркутской области вырос из-за скупщиков-китайцев. В “урожайные” на орехи и ягоду годы один охотник добывает по 25-30 и более соболей.

Оленеводство эвенков было транспортным, стада оленей – небольшими. Имея оленей, эвенки мало ездили верхом. Качугские эвенки пользовались ручной охотничьей нарттой, катангские заимствовали нартенный транспорт у якутов. Олени содержались на полувольном выпасе, отличались высокой прирученностью. Оленей доили. Под влиянием бурят и русских у качугских, хандинских и катангских эвенков (на юге района) начали появляться кони и коровы. Интересно, что некоторые русские охотники использовали оленей на промысле. Окончательно оленеводство в Качугском районе, в южной части Катангского района исчезло в середине 1960-х г., что было подготовлено всем предшествующим историческим развитием, в том числе укрупнением населенных пунктов и созданием специализированных промысловых хозяйств. Сегодня единственный ареал эвенкийского домашнего оленеводства в Иркутской области находится на севере Катангского района, где несколько семей держат в личном пользовании около 200 голов оленей.

Рыбу (хариус, таймень, валец, тугунок, карась, сорога, окунь, щука) ловят и летом, и зимой в реках и озерах. Она идет на питание и обмен. Хандинские, качугские эвенки обменивают рыбу на продукты сельского хозяйства, в основном картофель, а также различные товары. Среди этих групп эвенков также распространен промысел кедрового ореха и сбор ягод.

Сейчас кочуют круглый год в границах охотничьих участков (зимой) и более обширных территорий (летом) только те, кто имеет оленей. Подавляющее большинство эвенков выходит на пушной промысел с середины сентября, когда начинается охота на ондатру, и заканчивает его в декабре или феврале. Мясная охота практикуется весь год, за исключением формально запретных для нее периодов.

Динамика землепользования

Специфической особенностью землепользования охотников и собирателей являлось коллективное и временное владение территориями, границы которых отличала некоторая размытость. Территории закреплялись в длительное пользование на основе обычного права. В экстремальных условиях когда биологические ресурсы природной среды изменялись до такой степени, что охотники не могли обеспечить себя пищей, маршруты

передвижений можно было менять. Недоразумения и споры об угодьях у эвенков разрешались на “родовых” собраниях. В результате включения в состав Российского государства и развития товарно-денежных отношений у эвенков стали выделяться права семей на те территории, где занимались пушным промыслом и рыболовством.

В советский период произошло сокращение эвенкийских хозяйственно-промысловых территорий за счет перевода основной части эвенков на оседлость, при одновременном сохранении и даже расширении территорий для выпаса оленей теми эвенкийскими охотниками-промысловиками, которые их имели. Таежные территории перешли в ведение государственного лесного фонда. Они арендовались хозяйственными организациями – колхозами, промысловыми хозяйствами, обладавшими правом наделять охотника охотничьим участком.

Такой договор между предприятием и охотником перезаключался один раз в пять лет. Хотя права приоритетного пользования эвенков не были законодательно закреплены, реально при распределении охотучастков учитывали: национальность, наличие оленей, давность проживания в районе, давность пользования участком. Таким образом, в основе наделения участками лежали нормы обычного права. Размеры охотучастков зависели и зависят от числа охотников и массивов пригодных территорий. Отдельная территория иногда выделяется для охоты на ондатру. Официально главным условием возобновления договора на пользование охотничьим участком было выполнение плана добычи. Спорные случаи возникали из-за потери семьей кормильца-охотника и при отсутствии близких родственников мужского пола. В таком случае территория могла быть занята или соседями или товарищами по промыслу.

Сегодня ситуация в охотничьем промысле выражается в возросшей конкуренции за лучшие (т.е. наиболее продуктивные) охотничьи участки. Это требует особых законов, защищающих права эвенков на землю.

“Никаких границ не было, я не помню такого. Наши угодья были от Дагалдына до Пурульмы, до Тетеи ходили, примерно 200 га было нашей земли, а сейчас кусок остался 3 на 5 км, - рассказывает эвенкийка Татьяна М. - На наших угодьях сейчас все начальство... Где мне теперь подтвердят, что это наши угодья? Была бы у меня карта, и разговору бы не было. Я все равно пойду в суд, 3 на 5, что смеяться? Кронштейн (главный охотовед – А.С.) из промхоза мне говорит: “Все равно вы не охотитесь, чего вы добиваетесь?” “У меня, - говорю, - сейчас Алешка (племянник – А.С.) из армии придет, будет охотиться, Петька (двоюродный брат – А.С.) придет. И муж поедет.”

Если внутренние проблемы с наделением охотников территориями все же решаемы в условиях диалога, то угроза их отчуждения в пользу лесодобывающих и

горнодобывающих транснациональных компаний более опасна, т.к. в этом случае земля вообще выводится из традиционного оборота.

Интересно, что охотничьи участки в Катангском районе Иркутской области до недавнего времени находились в долгосрочной аренде у физических, а не юридических лиц. Администрация Катангского района на основании решения Иркутского областного совета №11/14МС от 16.09.1992 г. утвердила Положение “Об аренде охотресурсов в Иркутской области” и передала в аренду физическим лицам из числа граждан Катангского района 13,6 млн. га лесных охотничьих угодий и 14 тыс. га водно-болотных охотничьих угодий. Среди арендаторов насчитывалось 600 человек, в т.ч. более 120 эвенков.⁹ Однако вышеупомянутое решение Иркутского областного совета недавно было упразднено: в соответствии с “Законом Иркутской области об охоте” охотпользователем может быть только юридическое лицо.

Охотники, не имеющие оленей и выходящие на промысел лишь в определенные периоды года, не отметили особых изменений в землепользовании с созданием родовых общин или иных хозяйственных структур: *“как охотились раньше охотники при промхозе, какие территории занимали, так оно и осталось”*. Фактически сохранился прежний порядок распределения охотничьих участков на основе тех же принципов обычного права: давность пользования, наследование, постоянное использование (опромысливание), признание соседями (последнее – в идеальном случае). В пределах территории, выделенной общине, происходит переход участков согласно обычному праву. На своем участке у каждого охотника построены зимовья, бани, прорублены охотничьи тропы, установлены ловушки.

В то же время, складывающаяся в результате создания родовых общин (об опыте работы эвенкийских «родовых общин» в Иркутской области я подробнее пишу ниже) новая система землепользования не нашла одобрения и поддержки у эвенков – охотников-оленоводов в Южной Якутии, Эвенкии, других регионах Севера.

“<...> Зачем эта община и особые права на землю только общине, если мы здесь родились? Эта вся наша земля. При чем тут община? Мои родители жили в Йенгре и там и кочевали, на тех же местах. Община когда стала? При Горбачеве. Что толку от этой общины. Но они бумаги имеют на землю. А я не в общине, он не общине, и что? Нам куда? Висеть между землей или небом? <...>”

Законы и власть

Только в октябре 1997 г. было преодолено противодействие финансово-промышленных групп в областном законодательном собрании и принят Закон “О

территориях традиционного природопользования в Иркутской области”. Необходимость в его принятии ощущалась еще в начале 1990-х гг., когда начались работы на Ковыктинском газовом месторождении. Сейчас этот закон должен быть приведен в соответствие с федеральным законом “О территориях традиционного природопользования народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации” (2001).

Законодательной базой для обеспечения прав народов Севера выступают федеральные законы “О гарантиях прав коренных малочисленных народов РФ” (1999), “Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока”(2000), и уже упоминавшийся закон “О территориях традиционного природопользования...”. Законы принимались непоследовательно: сначала указы и временные законы о территориях традиционного природопользования, и только потом – о субъектах этих территорий – общинах. Общины в трактовке соответствующего федерального закона – общественные некоммерческие организации - совершенно отличались от тех, какими они стали в жизни.

С одной стороны, принятие этих законов - большой шаг вперед в деле признания и защиты прав народов Севера. С другой стороны, они оказались уязвимы для критики: аборигены не имеют права собственности на невозобновляемые природные ресурсы, права вето на горнодобычу, не определен размер и порядок компенсаций за отторгнутые или загрязненные земли. Закон “Об общих принципах организации общин...” не определяет экономическую основу функционирования этих некоммерческих организаций, тем самым ставя их в полную зависимость от местных, региональных и федеральных органов исполнительной власти и от “доброй воли” промышленных компаний.

Законы регулируют также порядок пользования ресурсами животного мира: разрешения (лицензии) на пользование объектами животного мира выдаются государственными органами в соответствии с федеральным законом “О животном мире” (1995). Представителям народов Севера, ведущим традиционное хозяйство, разрешено применять традиционные методы добывания объектов животного мира (ст. 48), они имеют право на приоритетное пользование объектами животного мира (первоочередной выбор промысловых угодий, льготы в отношении сроков и районов, состава и количества добывания объектов животного мира) (ст. 49).

В Иркутской области в 2002 г. был принят “Закон об охоте в Иркутской области”. Администрация области и специально уполномоченные органы исполнительной власти должны обеспечивать права коренного населения на территориях его традиционного

расселения и хозяйственной деятельности в части охраны окружающей природной среды, традиционного образа жизни, а также традиционных способов использования охотничьих животных (ст.10). Эта же категория охотников имеет право на приоритетное пользование охотничьими животными на территориях традиционного расселения и хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов и их объединений (ст.16). Региональным законодательством в отношении народов Севера не удовлетворены ни эвенки и тофалары, которые неоднократно обращались в высшие инстанции с жалобами на действия Областного управления охотничьего хозяйства, ни сами законодатели.

Иркутскоблхотуправление – специально уполномоченный федеральный орган по охране, контролю и регулированию использования объектов животного мира и среды их обитания. Именно это областное отделение соответствующего федерального органа уполномочено выдавать специальные разрешения на добычу объектов животного мира (лицензии). Лицензии бывают краткосрочные и долгосрочные; последние выделяются на основании аргументированных заявок только юридическим лицам. Стоимость краткосрочной лицензии на добычу копытных животных, например, должен выплатить сам охотник. В областном законе “Об охоте” были заложены средства на оплату лицензий для народов Севера только на 2002г.

Именно при получении лицензий наиболее остро сказываются различия в отношении к природе и возможностях доступа к ее ресурсам у местных жителей и чиновников. Лицензию на добычу мясных животных получают в городе, для чего нужно собрать необходимые документы и иметь деньги на ее оплату, еще и обойти разные инстанции. Сегодня это обычно делает глава хозяйственного предприятия, общины. Будет ли эвенкийский охотник ждать получения лицензии при наступлении определенного сезона года, если он сам и его семья сидят без денег и без пищи в отдаленном поселке, где 80% - безработные или временно занятые люди? Или если по всем приметам (появление насекомого *иркин*, увиденный накануне сон) он скоро может добыть лося? Если он верит в то, что определенное животное пришло к нему само, или предназначено ему свыше, от духа-хозяина земли/тайги? Можно иметь разрешительную бумагу, и при этом ничего не добыть. Один глава общины рассказывал мне с обидой, что он с таким трудом “выбивает” в городе лицензии на добычу крупнокопытных животных для общинников, а в результате охотники даже не заполняют эти документы. Здесь сразу же встает вопрос о браконьерстве в европейском его понимании, о защите природы, а это очень скользкая в этическом плане тема. Давно назрела серьезная проблема: могут ли сами народы Севера регулировать свое природопользование, доступ к биоресурсам или только государство в лице специально уполномоченных органов может осуществлять надзорные функции?

Настоящие охотники – экологи, биологи, философы местного масштаба. *“У нас как по старинке: отохотился, и лишнего не бьем. Расплодение-то нужно. На своем участке сколько осталось – на будущий год”*. И это характерно для охотничьих обществ всего мира: североамериканские индейцы кри «<...>хорошие охотники – хорошие управляющие, потому что они знают животные виды, их численность и т.п. и постоянно бывают в лесу».¹⁰ Вопрос о соуправлении природными ресурсами сложен, обсуждается во всем мире и в Канаде, например, хотя и с большим трудом, движется в сторону практики совместного принятия решений.¹¹

В советское время государственная политика патернализма была направлена на поддержку коренного населения вообще, и охотников-оленьеводов в частности, даже несмотря на их незаинтересованность в перевыполнении плана, объяснимую из традиций культуры. Патерналистская политика советского государства, как это ни парадоксально, в некоторых случаях могла защищать народы Севера от своей же плановой экономики. Доходило до анекдотичных случаев. *“Никогда не забуду, - рассказывал один охотник из Качугского района. - Скорняков (распространенная в Качугском районе эвенкийская фамилия - А.С.) на пилораме работает с бригадой. Ну что его бригада загуляла. Директор вызывает бригадира к себе и говорит: Ты, ты, ты и ты – уволены. Кроме Скорнякова. – А его-то че? А он, - говорит, - в Красной книге записан”*(смеемся- А.С.). Определенную роль в этой поддержке играло то, что на руководящих постах работали представители русских старожилов (особенно в Катангском районе). Сейчас региональная политика стала более жесткой, ориентированной на рынок, на конечный результат, и меньше на человека. Продолжается вытеснение эвенков из охотничьего промысла. Численность постоянных штатных охотников в Катангском районе сократилась со 112 до 43 человек. Но есть и другие примеры, когда районные власти поддерживают эвенков.

Проблемы северных народов на областном уровне решаются в рамках департамента по делам Севера при областной администрации, основные задачи которого – обеспечение северного завоза, переселение приезжего населения с Севера в соответствии с Федеральными программами. Департамент отвечает за реализацию федеральной целевой программы “Экономическое и социальное развитие коренных малочисленных народов Севера до 2011 года”, утвержденной постановлением Правительства РФ от 27 июля 2001г. № 564. Программа финансируется за счет федерального и областного бюджетов.

При составлении государственных программ экономической помощи не всегда учитываются конкретные нужды конкретных общин, что вызвано формированием планов “сверху”, без возможности изменения вложения целевых бюджетных средств.

Территории традиционного природопользования и родовые общины

Стремление выжить в условиях прекращения господдержки заставило людей объединяться по признакам общности национальности и хозяйственной деятельности. Это был ответ на социально-экономические перемены 1990-х годов. С точки зрения некоторых антропологов и национальных лидеров общины были средством создать этнически чистое географическое и политическое пространство. Концепция родовых общин заключала в себе противоречие – с одной стороны, она основана на идее частной собственности, с другой – на северном коллективистском менталитете, свойственном традиционной культуре.

Процесс выделения территорий традиционного природопользования и создания общин везде на Севере имел свои особенности.¹² В Иркутской области его своеобразие во многом определялось давними межэтническими связями и контактами. В общины народов Севера были включены и русские старожилы, и якуты. На практике общины стали экономическими объединениями. Иногда, когда все население поселка представляло собой общину, она дублировала органы местного самоуправления.

Эвенкийская община деревни В.Ханды (Казачинско-Ленский район), где компактно проживают около 50 эвенков, образовалась в области раньше других, в 1991 г., в связи с началом разработки Ковыктинского газоконденсатного месторождения. Акционерное общество “Русиа-Петролеум” активно проводит строительные и дорожные работы по освоению месторождения на тех участках тайги, которые имеют первостепенное значение для всего жизнеобеспечивающего цикла как хандинских эвенков, так и тутуро-очеульских эвенков Качугского района. Работы идут без предварительной этно-социальной и этно-экологической проработки соответствующих разделов в ТЭО проекта по эксплуатации Ковыктинского месторождения. Отношения с компанией были неравноправными, поэтому в августе 1994 г. жители вынуждены были выйти на “тропу войны”, пообещав перекрыть единственную технологическую дорогу компании, проходящую по их территории.

Большую организационную, консультативную и юридическую помощь в создании и функционировании общины оказала районная администрация в лице мэра района. Она

помогает обеспечить правовую защиту интересов общины во взаимоотношениях с областью и АО “Русиа Петролеум”. Трехсторонний договор между АО Русиа-Петролеум, администрацией района и Вершино-Хандинской эвенкийской общиной, заключенный в 1992 г., явился одним из первых договоров компенсационного характера на местном уровне между аборигенами и хозяйствующими субъектами. Начиная с 1998 г. в рамках этого договора, а также ежегодно заключаемых дополнительных договоров, компания содержит за свой счет егерскую службу общины, взяла на себя обязательство провести реконструкцию деревни В.Ханды по согласованному проекту, членам общины предоставлены привилегированные акции компании. Администрация провела работу по оформлению статуса земель общины в соответствии с Законом Иркутской области “О территориях традиционного природопользования в Иркутской области”, а также проверку и приведение в соответствие учредительных документов общины с Федеральным Законом “Об общих принципах организации общин...”.

И, тем не менее, мэр района считает, что “индустриальный экстремизм акционерных компаний, добывающих золото, нефть, газ, руды, приводит к уничтожению среды обитания аборигенов, ведет к социальной дезинтеграции и экономическому разорению. Несмотря на некоторые положительные сдвиги, в целом все проблемы остались и даже усугубились”.

Основные занятия членов общины – охота, рыболовство, промысел кедрового ореха, собирательство. Хотя община была создана и работала (до принятия закона 2000 г.) как экономическое объединение, она де-факто приобрела функции местного самоуправления. Община дублирует функции поселковой администрации, поскольку практически все население деревни – члены общины, вместе решающие вопросы своего развития. Но и это двойное управление не помогает эффективно решать социально-экономические проблемы хандинских эвенков, поскольку нет экономической основы для самостоятельности. Среди общинников развито иждивенчество, которое стало стилем жизни; неумение решать экономические и административные вопросы “изнутри” сходом, т.к. в малонаселенном поселке живут эвенки различных родовых групп, что вызывает внутренние конфликты.

Самоуправление не разрешило проблему занятости. Годы “самостоятельности” заставили эвенков отказаться от ряда социальных иллюзий. Так, например, возлагались большие надежды на доходы от самостоятельной реализации пушнины, организацию сувенирных, пошивочных, кожевенных цехов. Прежние занятия – охота, озерное рыболовство – теперь не приносят дохода, а собирательством давно и активно занимаются бывшие строители БАМа, ныне безработные.

Единственный реальный и справедливый путь, который бы мог изменить сложившееся положение - выплата 100% компенсаций за использование территории хандинских эвенков. По мнению мэра района, экономическую самостоятельность эвенкам должна обеспечить компания Русиа-Петролеум. Тогда они смогут “спокойно и с достоинством решать на любом уровне свои вопросы по самоуправлению, а также хозяйственной деятельности”.¹³

“Охотничье-промысловое хозяйство родовых общин эвенков Качугского района” образовалось в 1992 г. по инициативе жителей в связи с разукрупнением промыслового хозяйства. Эвенкийская община организована на территории Вершино-Тутурского сельского совета, который исторически считается эвенкийским (до 1917 г. здесь была инородная управа, в конце 1920-х гг. – центр культбазы). В общину входят охотники-промысловики из деревень Вершина Тутуры и Чинанга. Община хозяйствует на территории площадью 499 000 га, которая состоит из двух частей, разделенных границами Ленского промыслового хозяйства. Байкало-Ленский заповедник забрал часть территории общины, но пока, по словам охотников, недостатка в земле нет. Передел охотничьих участков внутри общины находится в ведении самих общинников.

Община - экономическое объединение, ее хозяйственные занятия – пушная и мясная охота, рыболовство, промысел кедрового ореха. После отделения от промхоза некоторые средства производства были получены из средств федеральных программ, однако техника быстро сломалась или оказалась разбазарена. Здесь те же внутренние проблемы, что в Вершино-Хандинской общине.

Экономические функции общины сужены по сравнению с отделениями промысловых хозяйств. *“Раньше мы в промхозе работали, все-таки что-то зарабатывали – ягodu сдавали, рыбу. Заставляли еще всякие почки да листочки собирать и сдавать. Копейка шла. Заработал – получишь. А сейчас некуда сдать. Никто не принимает. Раньше бруснику, клюкву собирали, она же ценная. Кислицу, смородину сдавали. Сейчас хуже стало”.* Товарный характер имеют пушная охота и промысел кедрового ореха. Председатель (глава) общины снабжает охотников боеприпасами и снаряжением, в основном в долг, под результаты будущего промысла. По окончании сезона охоты общинники должны сдать ему добытую пушнину (шкурки соболя). На добычу соболя выделяют лицензии, промысел белки ведется без ограничений. Не все сдают пушнину в общину. Много шкурок, особенно белки, уходит “налево”, приезжим скупщикам. Средства, затраченные на снаряжение, оружие, боеприпасы, горючее из-за их дороговизны с трудом окупаются произведенной продукцией, и община не имеет прибыли. Община не считается серьезным партнером для коммерсантов на рынке

пушнины, поскольку им выгоднее работать с крупными поставщиками, такими как Жигаловское промысловое хозяйство из соседнего Жигаловского района, которое за охотничий сезон готовит до 30 тысяч белок и 1500 соболей.¹⁴

Мясная охота, рыболовство и собирательство остаются индивидуальным делом. Их продукция используется для бартерного обмена, а также перераспределяется внутри самой общины согласно традиционным обычаям взаимопомощи.

Объединение эвенкийских родовых общин “Гиркил” (Катангский район) было создано 12.11.1999 г., среди учредителей – родовые общины поселков Наканно, Хамакар, Тетяя, Ербогачен. Причиной создания объединения было стремление охотников закрепить за собой земли традиционного природопользования, охотиться и рыбачить, получать доходы от продажи пушнины. Общины были созданы не как родовые, а как территориально-соседские из жителей нескольких поселков, отстоящих друг от друга на десятки или сотни километров.

Объединение, как и в предыдущих случаях, является экономическим. Основные занятия членов общины – пушная охота (на соболя, белку, ондатру) и рыболовство. В ООО “Гиркил” вошли 109 охотников, в основном эвенки, несколько якутов и русских старожилов. Это торгово-заготовительная организация с этнической спецификой. Постановлением мэра Катангского района №164 за объединением была закреплена территория площадью 1 762,2 тыс.га для осуществления охотничье-промысловой деятельности. Руководство ООО “Гиркил” с помощью федеральных и областных кредитов снабжает охотников оружием и продовольствием под продукцию будущего промысла.

Есть немало случаев, когда охотники переходят из одной хозяйственной организации в другую. Это привело к тому, что руководители наиболее крупных охотхозяйственных предприятий района договорились совместно применять санкции к нарушителям дисциплины и тем, кто уклоняется от возврата кредитов.

Эвенки и русские старожилы, живущие на юге района, всего 131 человек, неудовлетворенные работой новых хозяйственных организаций и общей социально-экономической ситуацией, намеревались образовать родовые общины в 7 поселках и войти в состав ООО “Гиркил”. Они имели притязания на 2 932,7 га территории. Однако опыт хозяйствования ООО “Гиркил” оказался негативным. Поэтому не только новые общины не присоединились к этой организации, но и большинство охотников из ООО “Гиркил” в середине 2001 г. ушли в другую, вновь организованную общину “Илэл”, которая объединила охотников – эвенков, русских старожилов и людей, постоянно проживающих в районе.

Община малочисленных народов Севера “Илэл” (“Люди”) была создана 28 июня 2001 г. в с.Ербогачен на основании решения общего собрания охотников-эвенков Катангского района в соответствии с Федеральным Законом “Об общих принципах организации Общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации” от 6.06.2000 г. Она была зарегистрирована Постановлением мэра района № 101-П от 16.07.2001 г. Эта община организована как общественная организация-охотпользователь, “помощник и защитник простого охотника, как из числа малых народностей так и любых других национальностей”. Всего в общине “Илэл” на момент ее учреждения зарегистрировались 25 человек. Администрация района выделила и закрепила за общиной “Илэл” охотугодья площадью 1581,4 тыс.га после согласования с руководителями всех организаций-охотхозяйств. Основные виды деятельности: охота и пушной промысел, закуп пушнины и лекарственно-технического сырья, мяса диких животных; изготовление сувенирной продукции, заготовка деловой древесины.

Коммерческие промысловые структуры района созданы на базе ранее существующих охотхозяйств, имеют все производственные помещения, транспорт, технику, оружие, которые достались им “по наследству”, после реорганизации в АОЗТ, ЗАО, ООО. При организации община не располагала “никакой материальной базой и финансовыми средствами”. В документах областной администрации хранится обращение с просьбой выделить 82 тыс. руб. на приобретение охотничьего оружия. “...Нам необходима поддержка финансовая, правовая, моральная, - писали руководители общины в Ассоциацию коренных малочисленных народов Севера. - Без этого нам не выжить, потому что законы о малочисленных народах большей частью не работают, а органы власти в основном оказывают противодействие существованию подобных общественных образований, в то время как коммерческим структурам во всем дают зеленую улицу”¹⁵.

Подчеркну, что не все эвенки приняли решение объединиться в общине “Гиркил”, или возникшей позже “Илэл”. Некоторые предпочитают (среди них есть эвенки, имеющие оленей) работать не в национальных объединениях, а в других хозяйственных структурах, например, в АОЗТ «Катангская пушнина» (бывшее Катангское кооперативно-промысловое хозяйство). В связи с этим важно защитить сложившуюся этнокультурную среду с приоритетным правом на традиционный образ жизни для аборигенов этих мест – эвенков.

Как и в большинстве районов Севера России, родовые общины в Иркутской области оказались хозяйственными объединениями. Членство в них основано в первую очередь на общности профессиональных занятий, а уже потом на родстве. Более того, сложившиеся историко-культурные связи и близость интересов народов Севера и русского старожильского населения, их отношение к тайге, скорее партнерское, чем потребительское, привели к сотрудничеству в защите прав на природопользование и организации общин смешанного состава.

Экономическая слабость родовых общин в Иркутской области и в других регионах Российского Севера объясняется внешними и внутренними причинами. Среди внешних причин главная кроется в половинчатости принятых законов, неразработанности подзаконных актов. Поэтому при необходимости защитить свои права общины обращаются и в административные структуры разных уровней, и в судебные инстанции, и в Ассоциации народов Севера. Таким образом, зависимость от административных структур всех уровней сохраняется и даже усугубляется. Не определен экономический источник жизнедеятельности общин; он мог бы быть создан за счет фиксированных отчислений от прибылей компаний за использование земли аборигенов и богатств ее недр. Другие причины неудач - несправедливый раздел средств производства; неумение хозяйствовать самостоятельно, нехватка грамотных специалистов; существование промышленного и чиновничьего лобби.

Субъективные причины неудач связаны с иждивенческой психологией, - наследием политики патернализма советского времени, межродовыми разногласиями, а также спецификой эгалитарных обществ с их обычаями коллективизма, взаимопомощи и дележа, которые абсолютно не соответствуют стихии современного рынка.

Проблема русских старожилов Катангского района

Русские старожилы живут здесь с конца XVII-начала XVIII вв. В те годы крестьяне занимались таежным земледелием, скотоводством, охотой, рыболовством. У них установились связи с эвенками. В советское время из традиционных занятий остались охота и рыболовство, отчасти скотоводство. Потомки русских старожилов Катанги постоянно поднимают вопрос об уравнивании их в правах на территории и возобновляемые биоресурсы на том основании, что они исторически живут на Севере, зависят от природной среды и традиционных хозяйственных занятий. Подобные вопросы поднимались и другими группами русских старожилов – индигирщиками, колымчанами в Якутии, камчадалами в Магаданской области и на Камчатке, - последние добились признания в качестве самостоятельного народа. Интересно, что многие современные

эвенки не видят различий между собой и русскими в хозяйственно-бытовой сфере. Например, среди эвенков Ханды “постоянно оговаривается сходство “своей” культуры с культурой русского старожильского населения р.Киренги”.¹⁶

В 1998 г. был подготовлен проект Постановления губернатора Иркутской области, в котором говорилось: “<...>приравнять граждан РФ, постоянно проживающих на территории Катангского района, чьи предки постоянно проживали в районе и чье существование полностью или частично основано на традиционной системе жизнеобеспечения <...> к малочисленным коренным народам Севера в части пользования приоритетными (наземными) природными ресурсами”. В подготовке проекта активно участвовали русские старожилы Катангского района. Но он не был принят (в то же время в соседней Эвенкии подобное решение было принято в отношении группы есеевских якутов). Руководство района настаивало на уравнивании прав с целью предотвращения возможных конфликтов на национальной почве: “Жители одного населенного пункта, в равной степени переносящие тяготы жизни в условиях Крайнего Севера, одинаково зависимые от природы, но по чисто формальным признакам относящиеся к разным этническим группам, не будут иметь прав на возобновляемые природные ресурсы, что и создаст дополнительную социальную напряженность”. Из областной администрации последовало предложение определить “критерии и параметры”, по которым русские старожилы района могли бы быть приравнены к коренным малочисленным народам Севера, а также вычислить “предполагаемые финансовые потери в результате принятия такого проекта”.¹⁷ В ответе из Ербогачена было сказано, что “<...>отнесение граждан к той или иной этнической группе производится по формальным признакам”, - верное замечание в контексте политики этносоциального конструирования.¹⁸ В качестве критерия было предложено постоянное проживание на территории района.

Федеральные законы “О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации” и “Об общине коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока” позволяет включать в общину людей, не относящихся к народам Севера, но постоянно проживающих на данной территории и ведущих традиционное хозяйство. Расширительное толкование общины коренных малочисленных народов Севера является сугубо российской чертой, которая отличает наше законодательство, например, от канадского¹⁹. В настоящее время активизировалась работа по образованию территорий традиционного природопользования в Катангском районе. Были предложения объявить всю территорию района территорией традиционного природопользования, что, в сущности, было бы близко к истине.

Законодательство ничего не говорит о народах Севера, которые живут в этнически смешанной среде, занимаются традиционными промыслами, но по каким-то причинам не хотят организовываться в общины и выдвигать иски на территории традиционного природопользования (как например в Амурской области).²⁰ Могут ли они отстаивать свои гражданские права и права меньшинств на основании федерального закона “О местном самоуправлении”? Такая попытка была предпринята в 1999 г. эвенками и русскими старожилами п.Токма (Катангский район) с целью защиты права на традиционное природопользование перед лесодобывающими компаниями, но чем она закончилась, мне в настоящее время не известно.

Заключение

В 1990-е гг. наблюдалось ярко выраженное стремление и государства, и активистов из числа народов Севера отойти от политики государственного патернализма и перейти к протекционистской политике, т.е. привлечь к принятию решений, касающихся народов Севера, и к их реализации сами эти народы. Проведенный анализ позволяет говорить о том, что за термином «протекционизм» угадывается прежний, но сильно ослабевший за перестроечное время государственный патернализм.

Современное российское законодательство в отношении народов Севера сконструировано таким образом, что люди вынуждены организоваться в общину, чтобы заявить право на земли традиционного природопользования. Первопричина создания общин – это необходимость решить территориальный вопрос. Территории же нужны, чтобы обеспечить возможность вести традиционное природопользование, или, в случае прихода промышленности, получать компенсации за отторгнутые земли традиционного природопользования. Сама идея «территорий традиционного природопользования», выраженная с помощью ученых политиками (но при этом так сильно модифицированная, что стала неузнаваемой), довольно сильно уязвима с точки зрения исторической ретроспективы.

В соответствии с федеральным законом общины трактуются как общественные некоммерческие организации, однако источник их финансирования законодательно не определен. Поэтому объективно общины народов Севера “подталкиваются” на путь неизбежного сотрудничества с промышленными компаниями.

Охотничий промысел очень чувствителен к состоянию природной среды, влиянию промышленности, увеличению числа населения. Проблемы охотников представляются мне не менее, если не более сложными, чем проблемы оленеводов; возможно на них не обращают много внимания, потому что сложилось убеждение, что охота более

подвержена модификации, чем оленеводство, и в меньшей степени, чем оленеводство, способствует сохранению этнических черт культуры.²¹ Проблемы современных охотников нужно решать в теснейшей взаимосвязи с природоохранными организациями, но таким образом, чтобы в охране и управлении природой, регулировании доступа к биоресурсам участвовали не только государственные чиновники, но и охотники из числа народов Севера.

¹ Симченко Ю.Б. Народы Севера России. Проблемы. Прогноз. Рекомендации// Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М., 1998. №112; Клоков К.Б., Красовская Т.М., Ямсков А.Н. Проблемы перехода к устойчивому развитию районов расселения коренных народов Российской Арктики// Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М., 2001. №141. С.16; см также: Клоков К.Б. Оленеводство и оленеводческие народы Севера России. Ч. I. Республика Саха (Якутия). Ч.II. Север Средней Сибири. СПб., 2001.

² несмотря на то, что среди эвенков до сих пор известны хорошие женщины-охотницы.

³ Статья основана на архивных материалах и моих собственных полевых исследованиях, проведенных 2000-2001 гг. в Катангском и Качугском районах Иркутской области, а также в Южной Якутии, с.Йенгра, при финансовом содействии Алексантери Института (Университет Хельсинки, Финляндия) и Юбилейного Фонда Банка Швеции. В Катангском районе я работала и конце 1980-х – начале 1990-х гг. Я благодарю М.Х. Рысмятову и В.М. Парфенова (департамент по развитию Севера администрации Иркутской области) за организацию доступа к нужным материалам.

⁴ Кларк П. Очеульские и тутурские тунгусы в Верхоленинском округе // Записки СОРГО. Кн.VI. Иркутск, 1863. С.87-96; Петри Б.Э. Охота и оленеводство у тутурских тунгусов в связи с организацией охотхозяйства. Иркутск, 1930.

⁵ Туголуков В.А. Изменения в хозяйстве и быте эвенков Иркутской области за полтора века // Сов. этнография. 1965. №3. С.12-24.

⁶ Здесь и далее численность представлена на основании статистических данных, собранных во время экспедиционных поездок в районы Иркутской области в 2000-2001 гг.

⁷ Подробнее о процессах межэтнических контактов в этом регионе см.: Сирина А.А. Катангские эвенки и их соседи: межэтнические взаимодействия // Народы Российского и Севера и Сибири. Сибирский этнографический сборник (далее – СЭС). М., 1999. Вып.9. С. 99-119.

⁸ Здесь и далее цитаты, выделенные курсивом, представляют собой выдержки из интервью с эвенками, собранные в результате полевых исследований автора 2000-2001гг. в Иркутской области и республике Саха (Якутия).

⁹ Сирина А.А. Катангские эвенки в XX веке: расселение, организация среды жизнедеятельности. Москва-Иркутск, 2002. С.237.

¹⁰ Feit H. James Bay Cree Self-Governance and Land Managment// We Are Here. Politics of Aboriginal Land Tenure. Berkeley, Los-Angeles, London, 1989. P.79.

¹¹ *Feit H., Beaulieu R.* Voices from a Disappearing Forest: Government, Corporate, and Cree participatory Forestry Managment Practices// *Aboriginal Autonomy and Development in Northern Quebec and Labrador*. Vancouver, Toronto, 2001. P.119-148.

¹² *Сирина А.А.* Современные проблемы малых народов Севера Магаданской области// *Исследования по прикладной и неотложной этнологии*. Москва, 1999. №116; *Ее же*: Родовые общины в республике Саха (Якутия): шаг к самоопределению? // *Исследования по прикладной и неотложной этнологии*. Москва, 1999. №126; *Ее же*: Народы Севера в Иркутской области // *Исследования по прикладной и неотложной этнологии ИЭА РАН*. М., 2002. Документ № 152; *P.A.Gray* The Obshchina in Chukotka: Land, Property and Local Autonomy// *Max Planck Institute for Social Anthropology. Working Papers. Halle/Saale*.2001. Working Paper No.29; *Мартынова Е.П., Пивнева Е.А.* Традиционное природопользование народов Северного Приобья. М., 2002.

¹³ *Наумов Н.П.* Записка о В.Хандинской общине// *Архив департамента по делам Севера администрации Иркутской области*. Папка “Казачинско-Ленский район”.

¹⁴ Полевые материалы А.А.Сириной. 2001.

¹⁵ *Архив департамента по делам Севера администрации Иркутской области*. Папка “Катангский район”.

¹⁶ *Бычков О.В., Ямпольская Ю.А.* Новые данные об эвенках Иркутской области // *Духовная культура народов Сибири и Севера*. Омск, 1989. С.69.

¹⁷ *Материалы департамента по делам Севера Иркутской областной администрации*. 2001. Папка “Катангский район”.

¹⁸ *Андерсон Д.Дж.* Тундровики. Экология и самосознание таймырских эвенков и долган. Новосибирск, 1998.

¹⁹ *Fondahl G., Lazebnik O., Poelzer G., Robbek V.* Native ‘land claims’, Russian style // *The Canadian Geographer*. 2001, 45. No 4 . P.545-561.

²⁰ Устное сообщение В.А.Тураева.

²¹ *Симченко Ю.Б.* Указ. раб. С.11.